

Сун Чжаоди вытянула руку:

— В чем дело?

— У тех, кто постоянно занимается сельским хозяйством, сильно выступают суставы на пальцах. На твоих руках это не очень заметно, потому что ты работала в школе и не работала в поле каждый день. Хочешь знать, откуда я это знаю? Жена командира дивизии Лю — такая же сельская жительница, как и ты. Но ей не так повезло, как тебе: у нее деформированы пальцы. Если бы тебя переманила та сторона, то я не знаю, как бы выглядели твои руки, но точно лучше, чем сейчас. О, и что я еще хотел сказать: у тебя очень посредственный вкус. Если бы я был тем, кто готовил тебя к шпионажу, то я бы скорее отказался от такой шахматной фигуры, а не отправил с позором в свет.

Договорив, Чжун Цзяньго развернулся и шагнул за дверь.

Сун Чжаоди протянула руку и ухватила его за локоть:

— Говори нормально, что еще за «отправить с позором»? И что ты имеешь в виду под посредственным вкусом?

— Твои зеленые штаны, — поморщился мужчина. — Они такие просторные и уродливые, что даже я бы такое не надел.

Сун Чжаоди глубоко вздохнула, стиснула зубы и сказала:

— Да, это очень посредственно. У меня очень заурядный вкус. Я не так хороша, как вы, капитан полка Чжун, который много лет ошивался среди иностранцев, — и с грохотом захлопнула дверь.

Чжун Цзяньго был застигнут врасплох и холодно фыркнул, глядя на закрытую дверь:

— Расчетливая и вспыльчивая женщина. Тебе позволено даже лгать мне, а мне нельзя и слова сказать.

Сун Чжаоди махнула кулаком в сторону двери и тихо пробормотала:

— Ты можешь говорить другим все, что хочешь, но ты не можешь критиковать меня, Лю Лин.

На следующий день Сун Чжаоди проснулась, потеряла воспаленные уголки глаз и села на

жесткой кровати. Она открыла окно и увидела, что солнце светит ей в лицо, и не смогла удержаться, чтобы не похлопать себя по щекам, чтобы взбодриться.

Она тут же высыпала одежду, которую принесла из дома, на кровать. Одеяло из красной ткани мгновенно стало разноцветным, а голова Сун Чжаоди, которая плохо спала всю ночь, снова начала болеть.

Самое большее через год костюмы будут заклеены как буржуазная одежда, чонсам — как феодальная, а с яркими принтами — как экстравагантная.

Когда мать Сун упаковывала одежду дочери, Сун Чжаоди увидела бежевый топ и розовую рубашку с короткими рукавами и вышитым узором, которую она раньше не носила. Она не могла объяснить, что совсем скоро она не сможет носить яркую одежду, поэтому промолчала и позволила матери позаботиться об одежде.

Терпя головную боль, девушка запихнула обратно в шкаф всю эту великолепную одежду. В голове у нее снова зазвучало «У тебя посредственный вкус», и Сун Чжаоди обессиленно упала на кровать.

Через некоторое время, когда боль поутихла, она встала и надела серые штаны и белую рубашку.

Открыв дверь комнаты, Сун Чжаоди невольно подняла брови, увидев, что дверь соседней комнаты открыта. Чжун Цзяньго встал так рано.

Она на цыпочках вошла в дверь и увидела, что на кровати спал только младший ребенок. Сун Чжаоди проверила детскую — Дава и Эрва тоже еще спали. Девушка немного подумала, затем взяла на руки Санву и спустилась вниз. Она уложила его в кресло, подперла скамейкой, чтобы ребенок не упал, когда перевернулся, и отправилась умываться и чистить зубы.

Чжун Цзяньго набирал воду и обернулся, когда услышал шаги:

— Сегодня вполне прилично.

— Я не хочу с тобой разговаривать, — Сун Чжаоди мельком взглянула на мужчину. — Ладно, мне нужно кое-что спросить.

Чжун Цзяньго притворился удивленным:

— Что ты сказала? Говори громче, я тебя не слышу.

— Веселишься? — Сун Чжаоди потеряла дар речи. — Вчера ты принес много семян, я

планирую посадить их сегодня. Но что делать с этими цветами?

Чжун Цзяньго выпрямился и огляделся:

— Эти цветы были посажены матерью Давы при ее жизни. Если ты вырвешь их и посадишь овощи, Даве снова придется назвать тебя плохой женщиной.

— Что мы будем есть, если я не высажу семена? — спросила Сун Чжаоди.

Чжун Цзяньго думал, что прошлой ночью у него будет бессонница, но странности, которые беспокоили его, получили объяснение. Он крепко проспал до рассвета и сегодня был в хорошем настроении, поэтому сказал:

— Пересади цветы рядом с бамбуковой изгородью, я объясню сыну.

— Сделать клумбу возле забора? Одной ее не хватит, — ответила девушка. — У тебя есть деревянные ящики? Принеси несколько, я высажу в них остальные цветы, и поставим ящики под карнизом крыльца.

— Да, по-другому никак, — немного подумал Чжун Цзяньго.

— Во дворе нет дров. Что мне делать, когда дрова на кухне закончатся? — спросила Сун Чжаоди. — Не придется же мне идти на гору за дровами?

— Исходя из здравого смысла, нам следует самим пойти за дровами.

— Что, если мы не последуем здравому смыслу?

— Сжигай угольные брикеты. Я так делал, когда был в Шэньчэне.

— Сколько печей в доме? — продолжала расспросы Сун Чжаоди.

— Одна.

Время приготовления на плите занимает чуть меньше часа. Плечи Сун Чжаоди внезапно поникли:

— Няня на полный рабочий день, которая еще и ходит в горы рубить дрова? Что у меня за жизнь такая? Чжун Цзяньго, не слишком ли поздно мне сейчас возвращаться в деревню?

— Слишком поздно, — засмеялся Чжун Цзяньго. — Я не согласен, ты не можешь получить развод. Даже если ты обратишься в суд, суд не посмеет завести дело.

Он обошел девушку, неся воду:

— Товарищ Сун Чжаоди, вы весьма соответствуете образу Ван Сифэн* из «Сна в красном тереме».

П. п.: Героиня романа «Сон в красном тереме», означает очень красивую, умную, способную, находчивую, но жестокую и беспринципную молодую женщину.

Сун Чжаоди с улыбкой парировала:

— Капитан Чжун, если дома не будет дров, как вы думаете, кто будет голодать?

— Ты... — Чжун Цзяньго указал на Сун Чжаоди, которая подмигнула и жестом предложила ему продолжать. Он глубоко вздохнул. — Позже я пойду к охраннику и попрошу его нарубить для тебя дров.

— У тебя есть охранники? — удивилась Сун Чжаоди.

— Я командир полка! — напомнил ей Чжун Цзяньго. — А не деревенский староста.

— Ты пришел в нашу деревню один-одинешенек, никто бы не заподозрил, если бы ты сказал, что ты рядовой солдат. Кроме того, ты не говорил, что у тебя есть охрана.

— Я много чего не говорил. — «Но не так много, как ты умолчала от меня».

Сун Чжаоди посмотрела на него горящими глазами:

— Что дальше?

— Поторопись, почисти зубы и умойся, и начни готовить, — сказал Чжун Цзяньго, неся воду в дом. Наполнив баки на кухне и во дворе, он подсчитал, что Сун Чжаоди не придется ходить за водой в течение двух дней.

В эпоху дефицита, когда припасов было мало и нечего было есть, Сун Чжаоди приготовила кастрюлю густой белой рисовой каши и разогрела тушеную в уксусе капусту. Она поставила тарелку с капустой на стол и обратилась к Чжун Цзяньго:

— В шкафу еще есть два яйца, может приготовить их для Дава и Эрва?

— Омлет с луком? Они привыкнут к нему и начнут просить каждый день, — сказал Чжун Цзяньго.

Сун Чжаоди, заметив, что он не отказал прямо, догадалась, что ему тоже жаль детей:

— Ты командир полка, но не можешь позволить даже несколько яиц?

— Их нелегко купить, даже если есть деньги, — вздохнул Чжун Цзяньго. — Обжарь одно и нарежь побольше лука.

— У тебя есть талоны на масло?

— Кажется, еще есть. В банке больше нет масла?

— Раз уж мы пока можем позволить себе масло, я испеку яичный пирог, — ответила Сун Чжаоди.

Замешиваем немного теста, добавляем зеленый лук, разбиваем туда яйцо, две минуты жарим на масле — и снимаем желто-оранжевый пирог со сковороды.

Почувствовав потрясающий аромат, Сун Чжаоди невольно сглотнула слюну и с чувством сказала:

— Я действительно лучшая мачеха в мире.

<http://tl.rulate.ru/book/77678/3537275>